

КРИС
ПРИСТЛИ

СТРАШНЫЕ
СКАЗКИ

ДЯДЮШКИ
МОНТЕГЮ

UNCLE
MONTAGUE'S
TALES
OF
TERROR
CHRIS PRIESTLEY

СТРАШНЫЕ
СКАЗКИ

ДЯДЮШКИ
МОНТЕГЮ
Крис Пристли

Иллюстрации
Дэвида Робертса

Перевод с английского
Дмитрия Карельского

Москва
Самокат

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Серия «Страшные сказки»

Для среднего и старшего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года
маркируется знаком **12+***

Тропинка к дому дядюшки Монтегю лежит через лес. И хотя дорога кажется короткой, но для Эдгара в ней есть что-то необъяснимо жуткое. К тому же, уверен он, из-за деревьев за ним следят деревенские дети. Но он ни за что не покажет им своего страха. Ведь в конце этого не самого приятного пути его ждет то, что искупает все его страхи и опасения, — дядюшкины рассказы. Эдгар готов на многое, лишь бы послушать его истории.

Крис Пристли — современный английский писатель, мастер классических «страшилок», пугающих до жути, но непременно — с моралью, которую легко разглядит внимательный читатель. Как только уймет дрожь и стук зубов.

*Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия
издательства.*

© Chris Priestley, 2007

This translation of Uncle Montague's Tales of
Terror is published by Samokat Publishing House
by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

© Карельский Д.А., перевод на русский язык,
2021

**ISBN 978-5-00167-183-
1**

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2021

Посвящается Салли

Путь к дому дядюшки Монтегю лежал через лес. Тропинка змейкой вилась между деревьев, и, хотя она была не такой уж длинной, а лес — не таким уж большим, эта часть пути каждый раз занимала у меня намного больше времени, чем можно было бы ожидать.

Во время каникул я навещал дядюшку довольно часто. Я был единственным ребенком в семье, и мои родители не очень понимали, как себя вести с детьми. Мой отец, когда хотел быть хорошим отцом, клал руку мне на плечо, а другой указывал на всякие окружавшие нас вещи и делился соображениями о них, а когда ничего нового поблизости не наблюдалось, впадал в угрюмую меланхолию и отправлялся поохотиться в одиночестве. Моя матушка, женщина нервического

склада, в моем присутствии, казалось, не могла расслабиться ни на миг. Стоило мне шевельнуться, она, тихонько вскрикнув, вскакивала на ноги, а в остальное время чистила и до блеска натирала все, до чего я дотрагивался и на что садился.

— Ну и чудак же он, — как-то за завтраком сказал мой отец.

— Кто — он? — спросила матушка.

— Дядюшка Монтегю, — ответил он.

— Да, и пребольшой, — согласилась матушка. — Эдгар, а что вы с ним, хотелось бы мне знать, делаете по полдня, когда ты приходишь к нему в гости?

— Он рассказывает мне истории.

— Боже мой! — сказал отец. — Истории... Слышал я от него одну историю.

— Правда? — спросил я в надежде ее послушать, но отец хмуро уставился в тарелку.

— Нет, неправда, — буркнул он. — Проехали.

— Не хочешь, дорогой, — не рассказывай, — сказала матушка. — Я и так знаю: история была просто чудесная.

— О да, — с усмешкой сказал отец. — Еще какая чудесная. Чудеснее не бывает.

Дядюшка Монтегю жил неподалеку от нас. Строго говоря, он приходился мне не дядей, а, скорее, дедушкой — не то двоюродным, не то троюродным. Но поскольку мои родители так и не смогли прийти к единому мнению относительно отдаленности или близости родства с ним, я счел за лучшее называть его просто дядюшкой.

Не припомню, чтобы хоть раз, когда я шел к дядюшке, деревья в лесу стояли одетыми в зеленую листву. Я видел этот лес или голым и морозным, или белым от снега, а листья — палыми, мертвыми и гниющими на земле.

Сразу за лесом тропинка упиралась в хитроумно

устроенную калитку — такую, что войти в нее можно было только по одному, а как войдешь, она сама захлопывалась, чтобы овцы не ушли через нее куда не надо. Ума не приложу, зачем между лесом и лугом понадобилась калитка: ни на лугу, ни где-то еще в дядюшкиных владениях мне не попадалось на глаза ни единого живого существа — во всяком случае такого, что хоть как-то могло сойти за домашнюю скотину.

Эта калитка мне никогда не нравилась. У нее была чертовски тугая пружина, которую дядюшка смазывал гораздо реже, чем надо бы. Из-за этого всякий раз, проходя через калитку, я с необъяснимым ужасом чувствовал, что попал в западню. Охваченный глупой паникой, я представлял себе, что сзади на меня надвигается нечто жуткое.

Торопливо потянув на себя скрипучую дверцу и протиснувшись в калитку, я оглядывался назад и, естественно, видел лишь невысокую каменную ограду и за ней все тот же знакомый лес. И все равно, шагая по лугу, я на всякий случай еще разок оглядывался через плечо: так сильно я надеялся (или, вернее сказать, опасался) кого-то — ну или что-то — увидеть. Но так никогда и не увидел.

И все же свой путь к дому дядюшки я не всегда совершал в полном одиночестве. Иногда за мной тайком следовали дети из деревни. У меня с ними не было ничего общего, как и у них со мной, потому что дома я появлялся редко и почти весь год проводил в школе-интернате. Я ни в коем случае не сноб, но мы с ними принадлежали к двум разным мирам.

Иногда — как и в день, о котором идет речь, — я замечал их между деревьев. Они ко мне не приближались и никогда со мной не заговаривали. Только молча стояли в лесном полумраке. Они, без всякого сомнения, старались меня напугать, и это у них получалось. Но я тщательно скрывал страх и,

притворившись, будто не обращаю на них внимания, продолжал путь.

Весь луг густо и неровно зарос высокой травой с вкраплениями побуревших сухих головок чертополоха, ворсянки и купыря. По дороге к воротам сада мне попала полоска примятой травы. Пересекая ее, я уловил какое-то копошение в гуще травы и решил, что это, должно быть, кролики или фазаны. У ворот в сад я, как делал это каждый раз, немного помедлил и окинул взглядом дом. Он стоял на небольшом пригорке, как часто стоят церкви, и при этом в окружавшем его, обнесенном стеной саде было что-то от кладбища, а сам дом с его стрельчатыми готическими окнами, шпилями и ажурной каменной резьбой отдаленно походил на церковь. Ворота нуждались в смазке не меньше калитки между лесом и лугом, а засов был таким тяжелым, что моих детских сил едва хватило на то, чтобы его поднять; ледяной, мокрый металл засова холодом обжег мне пальцы до самых костей.

Повернувшись запереть за собою ворота, я, как всегда, посмотрел в сторону родительского дома и подивился, как так получается, что его совсем не видно за деревьями, и почему в исключительной тишине этого места сразу кажется, будто на многие мили вокруг нет ни единой живой души.

От ворот до дядюшкиной двери тропинка шла по лужайке мимо странного сборища фигурных кустов. Не приходилось сомневаться, что некогда эти массивные тисы были пострижены в виде привычных всем конусов и птиц, но уже несколько лет росли на свободе, предоставленные самим себе. Теперь эти одичавшие кусты злоебно обступали дом, приглашая воображение углядеть в своих бесформенных очертаниях подобие клыков, тень кожистого крыла, намека на коготь или глаз.

Разумеется, я понимал, что это всего лишь кусты,

однако, к своему стыду, всегда старался как можно быстрее их миновать и, уже стоя у порога, никогда не оглядывался назад. Дядюшку о своем появлении я извещал, ударяя по двери тяжелым медным кольцом, которое свисало из пасти причудливого существа, чья позеленевшая медная физиономия, казалось, застыла в процессе превращения из льва в человека.

После привычного мучительно долгого ожидания, когда я уже был готов еще раз ударить кольцом, дверь распахнулась, а за ней, как всегда, со свечою в руках стоял дядюшка Монтегю. Он улыбался и приветливо кивал головой.

— Не стой на стуже, Эдгар, — сказал он. — Входи, юноша. Входи же.

Я вошел, но, по правде говоря, разницы в температуре между улицей и дядюшкиной прихожей почти не заметил. Даже если она и была, то, я бы сказал, в пользу улицы, потому что никогда ни в одном помещении мне не бывало так холодно, как в доме у дядюшки Монтегю. Готов поклясться, однажды я даже видел на перилах лестницы иней.

Дядюшка повернулся и пошел по выложенному камнем коридору. Я с преданностью мотылька устремился за дрожащим огоньком свечи. Это было одно из чудачеств моего дядюшки: явно не нуждаясь в деньгах, он принципиально не заводил у себя ни электрического, ни, на худой конец, газового освещения и освещал свое жилище — причем весьма скупно — исключительно восковыми свечами. От этого по пути к дядюшкиному кабинету мне приходилось порядком понервничать: я понимал, конечно, что бояться здесь нечего, и тем не менее изо всех сил старался не потерять из виду его спину и огонек свечи и ненароком не остаться одному в тревожной темноте.

Не добавляли мне уверенности в себе и гротескные тени, которые отбрасывало на стены пламя дядюшкиной

свечи, пляшущее на вечно гулявших в его доме сквозняках. Тени скакали и кривлялись, отчего возникало не самое приятное ощущение, будто они, зажив своей собственной жизнью, норовят улизнуть со стены и спрятаться под мебелью или затаиться в темных углах под потолком.

Преодолев гораздо большее расстояние, чем можно было ожидать от дядюшкиного дома, если судить о его размерах снаружи, мы оказались в кабинете — просторной комнате с полками по стенам, уставленными книгами и диковинными сувенирами из дальних странствий. Стены были сплошь увешаны гравюрами и картинами; тяжелые шторы скрывали от глаз окна со свинцовым переплетом. За окнами стоял белый день, но солнечного света в кабинет проникало не больше, чем в глубину пещеры.

Пол кабинета покрывал толстый персидский ковер, в рисунке которого преобладал багровый цвет — того же оттенка, что и краска на стенах, и дамастовая ткань штор. В камине пылал огонь, в его отблесках багровый интерьер вспыхивал, пульсируя в такт пляске пламени, как если бы кабинет был живым, бьющимся сердцем дома.

Это была единственная уютная комната из всех, в каких я бывал в этом особняке. Правда, за все многочисленные визиты к дядюшке мне, собственно говоря, ни в одной другой комнате — за исключением уборной — побывать не довелось. Тогда мне это не казалось странным, поскольку наше с дядюшкой Монтегю общение напоминало скорее не родственные посиделки, а деловые встречи. Мы с ним были по-своему весьма расположены друг к другу, но оба прекрасно понимали, что меня влечет к нему жадность — жадность до историй.

— Садись, молодой человек, и устраивайся поудобнее, — сказал он (как говорил всегда). — Сейчас

я позвоню и узнаю, не соблаговолит ли Франц принести нам чаю с кексом.

Дядюшка дернул за длинную ленту, висевшую вдоль камина, и откуда-то из глубины дома донесся едва слышный звон колокольчика. Потом послышались шаги; неспешно приближаясь, они становились все громче и громче, пока наконец не замерли у двери кабинета. Последовали несколько долгих мгновений тишины, которую нарушили три пугающе гулких удара.

Дверная ручка со скрежетом повернулась, и дверь открылась. Того, кто за ней стоял, мне видно не было. Я видел только дядюшку: он шепотом сообщил стоявшему за дверью о том, что мы хотим выпить чая с кексом, после чего дверь медленно затворилась, и теперь звук шагов удалялся, причудливо мешаясь с собственным эхом, словно кто-то семенил, приволакивая ногу.

Хотел бы я описать внешность Франца — вам наверняка интересно знать, был ли он высоким, или толстым, или светловолосым, — но, увы, сколько раз я ни бывал у дядюшки, Франца я не видал даже краешком глаза.

Мы с дядюшкой Монтегю успели завершить обмен любезностями, а он вдобавок к тому расспросил меня о школьных успехах, когда три звучных удара раздались вновь. Дядюшка открыл и возвратился с подносом, на котором стояли большой фарфоровый чайник, две чашки на блюдцах и тарелка с печеньем и ломтиками кекса. Молочника не было, потому что мы с дядюшкой оба пили чай без молока, зато была вазочка с сахаром. И хотя я ни разу не видел, чтобы дядюшка взял хоть кусочек, он, надо думать, был изрядный сладкоежка — иначе как объяснить, что к концу нашего чаепития вазочка неизменно оказывалась пустой, притом что я сам с малых лет к сахару не притрагиваюсь.

Мы с дядюшкой уселись по сторонам от камина, поднос занял место на столике между нами. Дядюшка поставил локти на подлокотники кресла и сложил пальцы домиком. Потом он откинулся назад, и его лицо скрылось в густой тени.

— Надеюсь, ты добрался без приключений? — спросил дядюшка.

— Да, — ответил я.

— Там, в лесу... ты ничего не видел?

Дядюшка Монтегю часто задавал мне этот вопрос, на который я всегда отвечал одинаково.

— Нет, дядюшка, — сказал я, не видя нужды упоминать о деревенских детях, которые едва ли могли его заинтересовать. — В лесу я ничего не видел.

Дядюшка с загадочной улыбкой отпил чаю и мечтательно вздохнул.

— Ничто не сравнится с ночным лесом, ведь правда, Эдгар? — произнес он.

— Правда, — согласился я, старательно изображая, что имею некоторое представление о том, каким бывает лес ночью.

— Что бы случилось с человечеством, если бы не деревья? — продолжал он. — Древесина, Эдгар, — это главный двигатель цивилизации. Из нее делается все, от плуга до бумаги, от колеса до дома, от рукоятки ножа до парусного корабля. Без деревьев человек был бы никем. — Дядюшка встал подложить дров в камин; языки пламени вскинулись ему навстречу и буквально выхватили полено у него из рук. — Если на то пошло, что отличает человека от животного убедительнее, чем огонь — чем умение использовать его тепло и свет? — На какое-то время мы оба молча уставились на огонь, загипнотизированные его танцем. — Древние скандинавы верили, что наш мир подвешен на ветвях исполинского ясеня. Ты знал об этом, Эдгар?

— Нет, дядюшка, не знал.

— Теперь будешь знать, — сказал он. — Северные лесные народы всегда по-особенному относились к деревьям. Ведь девственные дремучие леса служили им кладовой строительного материала, топлива и продовольствия... И в то же время эти леса, темные и таинственные, кишели медведями, разбойниками и бог знает кем еще...

— Вы хотите сказать... ведьмами?

В дядюшкиных глазах мелькнул огонек.

— Ведьмами, колдунами, чародеями, лешими, оборотнями...

— Оборотнями? — поперхнулся я.

— Почему нет? — пожал плечами дядюшка Монтегю. — Но суть в том, что северные люди почитали лес и почитали деревья — боялись их и им поклонялись.

— Дядюшка, а как они им поклонялись? — спросил я и взял с подноса печенье; сахара в вазочке уже не было.

— Полагаю, по-разному, — ответил дядюшка. — Римские историки рассказывают нам о священных рощах, о дубах, обогранных кровью...

— Кровью? — переспросил я, едва не подавившись печеньем.

— Ей самой, — сказал дядюшка Монтегю. — В рассказах историков говорится о жертвоприношениях, в том числе человеческих. Кельты, например, обожали трофеи в виде голов побежденных врагов. Отрубленные головы они развешивали на ветвях, наверно, с такой же радостью, с какой твоя мамаша украшает елку на Рождество.

По-моему, ни кельтам, ни моей матушке эти занятия радости, скорее всего, не приносили. Дядюшка улыбнулся, заметив мое недоверие.

— Но зачем поклоняться деревьям? — удивился я.

— Затем, что они более достойны поклонения, нежели многое иное на этом свете, — ответил он. — Ты же

знаешь, как долго живут некоторые деревья. Представь, сколько всего они повидали на своем веку. Кое-где на церковных кладбищах встречаются тисы, которым уже больше тысячи лет, они гораздо старше старинных церквей, возле которых растут. Корни у них в одном тысячелетии, а ветви уже в другом. Разве можно не застыть благоговейно при виде великолепного дуба, ясеня или вяза, стоящего одиноким скорбным великаном? — Он снова сложил перед собой кончики пальцев, из мрака сверкнула его волчья улыбка. — Кстати, я знаю историю как раз о таком дереве, — произнес дядюшка. — Хочешь, я тебе ее расскажу?

— Еще как хочу! — В конце концов, ради этого я и пришел.

— Боюсь, для тебя она будет немного страшновата.

— Бросьте, дядюшка. Пустяки, — смело сказал я, хотя в душе не был так уж в этом уверен.

В тот момент я походил на человека, который, дождавшись, пока его кабинка достигнет верхней точки колеса обозрения, начинает сомневаться, стоило ли вообще в нее садиться.

— Прекрасно, — сказал дядюшка Монтегю, глядя на огонь. — Коль так — слушай...

Сад со всех сторон окружала высокая каменная стена, окрашенная тут и там желтыми, серыми и нежно-кремовыми пятнами лишайника. С восточной стороны в стене были высокие, темного дерева ворота, к которым вела посыпанная гравием дорожка. На запад можно было выйти через небольшую арку, обрамленную двумя отчаянно колючими кустами; для этого следовало открыть калитку, выкрашенную полублезшей краской бутылочно-зеленого цвета и запертую на тяжелый кованый засов.

Калитка вела на выгон площадью около двух акров, с одной стороны ограниченный уже упомянутой стеной сада, с противоположной — зарослями боярышника, лещины и кизила, а с двух других — деревянной изгородью из уложенных на столбики жердей. Почти

ровно посередине выгона росло гигантское и очень старое дерево.

Отец с гордостью указал на него, когда проводил для Джозефа ознакомительную экскурсию по роскошному новоприобретенному дому и примыкавшим к нему владениям. Отец Джозефа был обычно скуп на эмоции, отдавая, видимо, весь жар души своей работе, про которую Джозеф мало что понимал, кроме разве того, что она как-то связана с деньгами и их приобретением. Но, показывая Джозефу дерево, отец проявил несвойственную ему сентиментальность. Он неуклюже, но нежно обнял Джозефа за плечи и сказал:

— Видишь это дерево, сын? Этот древний вяз? Разве он не прекрасен — этакий великан! Ему, должно быть, уже много сотен лет. Сколько же всего он повидал на своем веку!

Джозеф не мог не согласиться, что древний вяз действительно прекрасен. Стоя посреди выпаса, он напоминал ему животное в загоне или, скорее, в вольере зоопарка — лишенное свободы, но неприрученное.

— У меня есть для тебя подарок. Надеюсь, он тебе понравится, — сказал отец и вручил Джозефу маленькую синюю коробочку, в которой, когда Джозеф ее открыл, оказались золотые карманные часы.

— Ах! — восхитился Джозеф. — Это правда мне? Спасибо, папа.

— Давай же, надень, — сказал отец с улыбкой. — Но только, ради бога, не потеряй! Они дьявольски дорогие.

С отцовской помощью Джозеф продел цепочку в петлю на жилете и засунул часы в кармашек. Они умиротворяюще затикали у самых его ребер.

Назавтра отец Джозефа уехал в Лондон. У него была квартира рядом с Сити, там он и проводил большую

часть недели, приезжая в загородный дом на выходные. Так как сам Джозеф учился в школе-интернате и дома появлялся только на каникулах, такой распорядок отцовской жизни его не огорчал. В школе же он если и скучал по родителям, то очень редко. Поэтому Джозеф удивился слезам, которые навернулись у него на глазах, когда он, стоя в воротах сада, махал рукой вслед уезжающему отцу.

— Не убивайся так, — сказала мать. — Пойдем лучше погуляем с Джесс.

Кликнув спаниелиху Джесс, Джозеф с матерью вышли за ворота. По тропинке, огибавшей стену сада, они миновали общинное пастбище, прошли под сбившимися в рожицу дубами, буками и каштанами и наконец оказались на выгоне. Его еще не косили. В высокой, белесой на солнце траве алели маки и звенели сверчки. Над всем этим возвышался могучий вяз.

Джесс, как обычно, носилась туда-сюда, обнюхивая тропинку, но в этот раз ее как-то особенно тянуло к дереву. Сильнее всего ее интересовал похожий на пещеру провал между корнями, который Джозеф раньше не замечал.

Собака принялась, настороженно приблизилась к провалу и заглянула в него. Чтобы лучше слышать, она поднимала то одно, то другое ухо, а потом вдруг оба прижала к голове. При этом Джесс тихонько заскулила — Джозефу показалось, что она что-то приговаривает себе под нос.

Они с матерью весело наблюдали за перетрусившей Джесс, когда та вдруг наклонила голову набок и наострила уши, явно уловив какой-то шум, а затем подалась вперед и робко сунулась мордой в пещеру.

В следующий миг она издала глухой вой, удивительно походивший на человеческий вопль ужаса, отскочила

от дерева и стремглав бросилась через выгон, как будто за ней гнались черти.

У калитки в сад Джесс пришлось остановиться: мало того что дверца была тяжелой, так еще и открывалась наружу. В отчаянном стремлении спастись собака скулила и подвывала, царапала когтями доски и рыла землю. С криками «Джесс! Джесс!» Джозеф кинулся за ней, а когда подбежал и попытался успокоить, она очумело уставилась на него и укусила за руку.

Никогда раньше Джесс — даже щенком — Джозефа не кусала. Теперь же она, кажется, просто его не узнавала, обезумев от страха. Как только Джозеф открыл калитку, Джесс шмыгнула в нее и, оскальзываясь на гравии дорожки, понеслась к воротам и дальше — на большую дорогу.

— Ничего страшного, Джозеф, — попыталась утешить его мать. — Не бойся. Она вернется.

Но Джесс так и не вернулась.

Джозеф уже очень давно не плакал, но из-за Джесс он разрыдался как маленький. В школе он часто мечтал о том, как дома на каникулах будет с ней играть. Мать сказала ему, что отчаиваться рано, что собака еще может вернуться живой и невредимой. Они даже несколько раз давали в местную газету объявления о ее пропаже, в которых обещали нашедшему хорошее вознаграждение, но на них так никто и не откликнулся.

Когда через неделю отец вернулся домой из Лондона, он повел Джозефа гулять на выгон и во время прогулки сказал, что, похоже, Джесс они больше не увидят и поэтому родители купят Джозефу другую собаку. Но он не хотел другой собаки. Ему была нужна Джесс.

Отец присел на корточки, заглянул в провал между корнями дерева и потянулся туда рукой.

— Нет! — неожиданно резко воскликнул Джозеф.

Отец отдернул руку.

— В чем дело? — спросил он.